

Розенталь М. Зингер

Советский музыкант 1987, Зингер

ДЛЯ МЕНЯ МОСКВА И МОЛОДЕЖЬ НАВСЕГДА СВЯЗАНЫ ВОЕДИНО

ИНТЕРВЬЮ С МАНУЭЛЕМ РОЗЕНТАЛЕМ

— Господин Розенталь, довольны ли вы первым представлением «Пеллеаса и Мелизанды»? Справились ли певцы, оркестр с теми задачами, которые вы перед ними ставили?

— Да. Это было даже более того, что я ожидал. Я очень доволен. Ведь мы работали совсем недолго и с оркестром, и с певцами — чуть больше двух недель.

— И какое впечатление оставил оркестр? Были ли трудности на репетициях?

— Практически никаких. Оркестр буквально поразил меня качеством звучания, сыгранностью, слаженностью. И знаете, что меня особенно потрясло? Зрелость ума, неожиданная для молодых музыкантов. Ведь «Пеллеас и Мелизанда» — это образец музыкальной психологии, и понять ее не так-то просто. Это не драма любви — это драма ревности. А ревность — это чувство взрослое. —?!

— В этой опере — да. Ревность Голо — это ревность зрелого, убеленного сединами человека. Он встречает красивую девушку, она его не любит, хотя и выходит за него замуж. Что может чувствовать Голо? Ревность. Но в этой ревности и чувство собственной вины, и боль, и отчаяние. До чего оно его доводит... вспомните эту страшную сцену, когда он мучает Мелизанду.

— Господин Розенталь, судя по тому, как вы понимаете эту

драму, вы трактуете оперу скорее романтически, нежели символически.

— Да. Но по-моему, так же трактовал оперу и Дебюсси. Что такое французский характер? Практицизм, ясность ума, рации. В «Пеллеасе» же, напротив, наружу выплескиваются чувства. Здесь много оркестровых интерлюдий, развернутых эпизодов «чистой» музыки — оркестр по-настоящему, что происходит в душе у героев. Они говорят, оркестр комментирует. И на это освобождение, если хотите, «от разума» Дебюсси навел Мусоргский.

— Итак, Дебюсси-романтик? Но у нас бытует несколько иное представление о «Пеллеасе и Мелизанде». Сюжет драмы Метерлинка прост и одновременно загадочен: Мелизанда — существо из «ниоткуда», замок Голо, в котором всегда царит смерть, тайные предзнаменования, странные параллели... Символика пронизывает буквально все произведение Метерлинка.

— Бесспорно. Вспомните хотя бы конец драмы: двое молодых умирают. Остается жить старик Аркель, словно с высоты своей мудрости, созерцающий этот трагизм, несчастный Голо, совсем маленький ребенок, которому еще предстоит жить в этом мире. Здесь философия всей жизни. И музыка Дебюсси, безусловно, отражает сложность, многозначность драмы. В этом смысле «Пеллеас и Мелизанда» — произведение, уникальное для фран-

цузского музыкального искусства.

— Но у нас «Пеллеас» считается, напротив, символом французского искусства, его утонченности, изысканности.

— В каком-то смысле вы правы. Но с другой стороны, что характеризует французскую музыку? Блеск, живость, мелодическая броскость. А наши чисто внешние проявления? Они служат нам часто плохую службу: мы любим кричать, размахивать руками. Но внутри мы очень сдержанные люди. Мы просто не показываем свою грусть и не любим, когда нам лезут в душу. Мы тоже умеем говорить тихим голосом. И эта драма интимна и проста. Вы знаете, как-то мне довелось беседовать с Андре Жидом, и я спросил его, как бы он кратко охарактеризовал французское искусство. «Это очень просто, — ответил Андре Жид, — всего в двух словах: ничего лишнего!»

— Господин Розенталь, на ваш взгляд, какая постановка больше соответствует «Пеллеасу»: концертная форма, где действительно нет «ничего лишнего» или спектакль с декорациями, костюмами?

— Я считаю, что костюм и декорации ничего не прибавят к этой опере. Более того, я считаю, что «Пеллеас и Мелизанда» в театре многое теряет. Ведь здесь нет никакого действия. Для того, чтобы понять это произведение, нужно внимательно слушать му-

зыку и текст. Необходимо сосредоточиться, а не отвлекаться на декорации.

— Но ведь не секрет, что опера трудна для восприятия: пять актов, три с половиной часа, особая речитативная манера пения, приглушенность динамики, отсутствие контрастов. Как, кстати, воспринимают оперу ее соотечественники, популярна ли она во Франции?

— Увы, нет. Но это не означает, что «Пеллеас» — опера для элиты. И при первой постановке именно простая публика обеспечила успех «Пеллеасу», она мгновенно поняла гениальность этого произведения. А элита что? У нее заранее на все сформированы свои взгляды, она уверена в безошибочности своего вкуса. Взять ту же «Кармен», «Фауста», почему они провалились?

— Но это было давно. Все-таки чем вы объясняете непопулярность оперы в наше время?

— Вопросами моды. Сейчас повсюду царит мода на бельканто. Властители умов — Доминго, Паваротти. Естественно, «Пеллеас» не вписывается в подобную картину. Но рано или поздно эта музыка возьмет свое, люди поймут, что это прекрасно, если только при этом им не разъяснять, что Дебюсси — это современно и сложно.

— Господин Розенталь, в заключение хотелось бы узнать ваши впечатления о Москве, ведь вы здесь в первый раз?

— Я вообще в первый раз в

СССР. К сожалению, я Москву мало видел, приходилось много работать. Но тем не менее я очень доволен, что наконец-то мне удалось побывать в России. Я был в Польше, Чехословакии, многих других странах, работал с Гилельсом, Коганом, Давидом Ойстрахом, Рихтером. И как-то я себя спросил: «Как так получается, что я ни разу не был в Москве?». Правда, когда мне предложили поехать в Москву осуществить постановку «Пеллеаса и Мелизанды», я сначала отказался: дирижировать студенческим оркестром... Показалось, что это не для меня. И лишь когда мне сказали, что произведение трудное, нужен опытный консультант, я согласился. Теперь я очень доволен, что мне довелось работать с молодежью, и именно в моем возрасте. Теперь для меня Москва и молодежь навсегда связаны воедино. И мне кажется, это прекрасно.

— Господин Розенталь, наш оркестр тем более счастлив работать с таким большим мастером, как вы. Ребята говорят, что общение с вами очень много им дало как музыкантам.

— Понимаете, с их стороны это естественно. Молодежи необходимы учителя, наставники. Но для меня общение с молодыми музыкантами не совсем обычно. Я никогда не думал, что так много получу от такого контакта.

— Отрадно слышать, что поездка в Москву оставила у вас такие хорошие воспоминания.

— Более того, она меня еще раз убедила, что для нас, музыкантов, нет и не может быть иностранных языков. В музыке не принято говорить о национальности. Мы не говорим: советский, французский музыкант, мы говорим — Ойстрах, Рихтер, Баренбойм. Для музыки нет ни России, ни Франции, есть мир!

Интервью подготовила и вела Т. СЛЮСАРЕНКО, курс критики.